

ПАРАДИГМЫ С "ПУСТЫМИ КЛЕТКАМИ": СОСТАВ, РАЗНОВИДНОСТИ, СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ

У статті виокремлено два різновиди парадигм, у складі яких відсутні одна чи декілька словоформ. Проаналізовані способи номінації таких парадигм, для кожного типу запропоновано особливе позначення.

Ключові слова: *форма слова, граматична система мови, неповна парадигма, когнітивно доцільна парадигма.*

In this paper the varieties of paradigms, which include those missing one or more word forms are distinguished. The ways of nomination of such paradigms are analyzed, for each type a special designation is introduced.

Key words: *word form, grammatical language system, incomplete paradigm, cognitive expedient paradigm.*

Понятие парадигмы появилось еще в античные времена и прочно закрепилось в грамматике "для обозначения образца словоизменения как отражающего варьирование форм одного слова" [7, с. 366]. В современной морфологии парадигму определяют как "совокупность всех словоформ слова или его изменение по системе форм" [3, с. 367]. Однако далеко не каждое слово характеризуется полной парадигмой как идеальной языковой моделью. У многих из них "отсутствует одна или несколько словоформ в силу невозможности или затрудненности их образования" [3, с. 368]. Несмотря на длительную историю изучения таких парадигм, лингвистами до сих пор не решены вопросы об их составе, причинах появления, принципах классификации, не принята единая терминология. **Цель** нашей работы – проанализировать словарные определения парадигм, в составе которых представлены не все формы, предусмотренные грамматической системой языка, а также разграничить типы таких парадигм. В процессе наблюдения было выявлено три основных способа их номинации.

Чаще всего употребляется термин **неполная парадигма**. Его используют авторы академических грамматик русского языка ("Грамматика современного русского литературного языка" и "Русская грамматика"), создатели энциклопедии "Русский язык", А. В. Бондарко, В. С. Храковский, Б. Ю. Норман и другие лингвисты. Термин неполная парадигма встречаем и в работах украинских исследователей, например, у Д. И. Ганича и И. С. Олейника в "Словнику лінгвістичних термінів", у И. Р. Выхованца, у С. Л. Авдеевой. Наиболее последовательно это понятие раскрывается в "Русской грамматике": "Неполная парадигма – это парадигма, в составе которой отсутствует либо частная парадигма, характерная для слов данной части речи (например, отсутствует парадигма падежных форм мн. ч. у собирательных существительных), либо одна или несколько форм слова, традиционно неупотребительных или таких, образование которых почему-либо затруднено" [14, с. 455]. Иными словами, неполной считается парадигма, в которой по какой-либо причине отсутствует хотя бы одна словоформа из числа свойственных тому или иному лексико-грамматическому классу.

Несколько реже функционирует термин **дефектная парадигма**. Ему отдают предпочтение А. В. Исаченко, А. А. Зализняк, Н. А. Еськова, А. П. Соболева, И. А. Мельчук и другие. И. А. Мельчук отмечает, что парадигма "называется дефектной, если по крайней мере одной из комбинаций граммем в парадигме не соответствует никакая лекса" [9, с. 342]. Таким образом, понятия дефектная парадигма и неполная парадигма тождественны по

значению и являются лексическими дублетами. Поэтому неудивительно, что во многих случаях ученые используют оба термина как синонимы. Это помогает разнообразить научный текст, избежав повторов. Например, у А. Н. Тихонова: "Взаимосвязь и взаимообусловленность разноуровневых и внутриуровневых значений в глагольном слове недостаточно изучены. С ними связаны (...) дефектность его словоизменительной парадигмы (...) Выявление причин неполноты словоизменительной парадигмы (...) важно не только для теоретического осмысления сложного семантического устройства глагольной лексемы" [18, с. 6], "Неполнота, дефектность морфологических парадигм глагольного компонента в составе устойчивых оборотов требует особого внимания" [18, с. 6]; в трудах Ю. С. Маслова: "Неполнота видовой парадигмы, ее дефектность возникает там, где нет семантической потребности в образовании противоположного вида" [8, с. 94].

Однако не все лингвисты согласны с тем, что термины неполная парадигма и дефектная парадигма синонимичны. Т. В. Жеребило в "Словаре лингвистических терминов" предлагает следующие определения. Для неполной парадигмы: "парадигма, в которой недостаёт набора словоформ или слово не может принять форму, которая потенциально возможна (напр., парадигма времени глагола победить – невозможно сказать я победу; парадигма лица глаг. светать – невозможно сказать я светаяю)"; для дефектной парадигмы: "парадигма, в которой представлены отдельные члены: налей щец; принеси дровец" [6]. Таким образом исследовательница разграничивает, во-первых, парадигмы, в которых отсутствует одна или несколько форм, во-вторых, парадигмы, представленные только одной словоформой. При этом, к сожалению, остается непонятным, почему за каждым из понятий закрепляется именно такой термин. А. А. Зализняк к дефектным парадигмам относит все, в которых отсутствует одна или несколько, и все, кроме одной или двух, падежные формы у существительных [5, с. 99 – 100]. Б. Ю. Норман среди случаев неполноты парадигмы рассматривает:

- отсутствие в парадигме отдельной словоформы;
- сведение всей парадигмы слова к одной словоформе;
- отсутствие в парадигме ряда словоформ с общим грамматическим значением;
- нереализованность какого-то грамматического значения у лексико-семантической группы слов [10, с. 13].

Отсюда следует, что термины неполная парадигма и дефектная парадигма употреблялись и продолжают употребляться как абсолютные синонимы.

Для обозначения парадигм, имеющих "хотя бы одну пустую клетку" [5, с. 30], используется термин **ущербная парадигма**. Например, в книге "Опыт описания русского языка в его письменной форме" читаем: "Особый случай представляют так называемые неполные, или ущербные, парадигмы" [2, с. 167]. Однако этот термин встречается довольно редко.

Таким образом, в лингвистике параллельно функционирует три различных способа номинации парадигм, одна или несколько форм которых отсутствуют: неполная, дефектная, ущербная. Их толкование, на первый взгляд, не вызывает разночтений, однако количество и состав подобных парадигм определяется учеными по-разному. Так, регулярно к неполным относят парадигмы, отдельные словоформы которых не образуются по формальным причинам, т. е. "от технической невозможности присоединения нужной морфемы" [8, с. 418]. Считается, что это вызвано фонологическими и акцентуальными особенностями слова. Среди наиболее распространенных фактов такой дефектности – отсутствие первого лица единственного числа у глаголов ощутить – *ощущу, убедить – *убежу или *убежду, деепричастий несовершенного вида от глаголов некоторых непродуктивных классов: беречь – *бережа, гаснуть – ?, писать – *пиша, течь – ? и др. Сюда же относятся "сравнительно редкие" случаи "прогулов", когда "грамматическая форма отсутствует по капризу языка", "просто так" [12, с. 121], как, например, формы родительного падежа множественного числа у существительных мечта, мольба.

С другой стороны, отмечено, что "явление грамматической дефективности чаще всего встречается там, где значение данной грамматической категории вступает в противоречие с лексическим значением соответствующих слов" [8, с. 418]. Приведем примеры. Отсутствие форм множественного числа у вещественных, собирательных, отвлеченных существительных, так называемых *singularia tantum*, типа медь, листва, гордость и др. вызвано семантическими причинами. А. А. Зализняк подчеркивает, что "отсутствие у *singularia tantum* словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие формы встретятся очень редко или вообще не встретятся" [5, с. 58]. Значению сравнительной и превосходной степени некоторых качественных прилагательных, например, босой, немой, полый и др., противоречит их лексическое значение. Достаточно много подобных парадигм у глаголов. Так, в формах 1 и 2 лица единственного и множественного числа не употребляются глаголы, значение которых не совмещается с представлением о 1 или 2 лице как о производителе действия: зеленеть, тельиться, течь и др.; в формах 1 и 2 лица единственного числа – многосубъектные глаголы: толпиться, сползтись, сбежаться и др.; в формах повелительного наклонения – глаголы, обозначающие действия и процессы, которые не совершаются по воле субъекта, не носят целенаправленного характера: весить, стоять, видеть и др. Особую парадигму имеют безличные глаголы, "в которых действие предстает как процесс, совершающийся без участия какого-либо деятеля, как бы сам собой" [3, с. 310]. Как видим, подобная "дефективность" "распространяется на целые серии и группы слов" [18, с. 7]. Вопрос о статусе таких парадигм не получил однозначного решения в лингвистике. Существуют различные точки зрения.

Чаще всего реальной границы между парадигмами, отдельные формы которых отсутствуют по формальным и по семантическим причинам, не проводится. Этот принцип используют авторы академических грамматик, вузовских учебников, многих толковых и грамматических словарей. Так, в "Словаре-справочнике по русскому языку" под ред. А. Н. Тихонова, основная цель которого – "дать максимум грамматических сведений о слове", учесть "важнейшие трудности русского языка" и уделить внимание "случаям отсутствия в словоизменительной парадигме тех или иных грамматических форм слова" [17, с. 8], используется лишь одна помета "не употр."

При подобном подходе все парадигмы с пустыми клетками называют неполными, дефектными, ущербными. Однако Б. Ю. Норман подчеркивает, что термины дефектная или ущербная как будто указывают на "болезнь или уродство" [10, с. 14] парадигмы. Действительно, дефектный – это "имеющий изъяны, с дефектами" [11, с. 163], ущербный – "находящийся на ущербе", "недостаточный, ненормальный в каком-н. отношении" [11, с. 847]. С недостатком чего-либо связано и понятие неполный, т. е. "не достигший определенного, нужного размера, нормы, предела и т. п.", "не содержащий полного состава, комплекта и т. п. кого-л., чего-л." [16]. С точки зрения грамматики, только те парадигмы, отдельные формы которых не образуются из-за фонологических или акцентуальных особенностей слова, не имеют полного комплекта форм. Изъяны в таких парадигмах вызывают трудности, причиняют неудобства носителям языка. Так происходит при попытке образовать форму 1 лица единственного числа будущего времени глагола победить. В Интернете находим различные варианты: Термостат – я тебя все-таки **победю** (www.drive2.ru); Всё равно я вас всех **победю!** (www.baby.ru); Елена Ваенга: "Как я, Лена Хрулева, **побежу** коррупции?" (www.intermedia.ru); Если я **побежду** колбасу, вы дадите мне ее на обед (www.kotomatix.ru). Многие сомневаются, какую же форму стоит выбрать, и ищут помощь в сети. В результате – сотни вопросов о том, как сказать правильно: *побежу, *победю или *побежду. Один из них стал предметом острой дискуссии на форуме информационного портала "ГРАМОТА.РУ", в ходе которой пользователи неоднократно ссылались на справочники, приводили примеры из классики, переписки писателей, размышляли о природе запрета на образование формы 1 лица единственного числа недостаточных глаголов типа победить, убедить, ощутить и подобных. У некоторых

носителей языка этот запрет вызывает протест. Так, на сайте радио "Эхо Москвы" Борис Акунин в своем блоге, ссылаясь на найденные Юрием Петровым данные "Пространственной русской грамматики" Н. И. Греча и "Русского правописания" Я. К. Грота, пишет: "А вот за глагольную форму "побежду" еще, пожалуй, поборюсь" [1].

Подтверждение этому находим во многих художественных текстах. Писатели используют ненормативную форму 1 лица единственного числа глагола победить для создания комического эффекта как прием языковой игры. Так, хорошо известны слова из песни В. С. Высоцкого "Чуду-юду я и так **победю**" или затруднения Винни-Пуха:

Хорошо быть медведем, ура!

Побежу...

(Нет, победю!)

Победю я и жару и мороз,

Лишь бы медом был вымазан нос!

Победю...

(Нет, побежду!)

Побежду я любую беду,

Лишь бы были все лапки в меду!..

(пер. Б. В. Захадера)

А у волка из мультфильма "Волчище – серый хвостище" этот выбор не вызывает никаких сомнений:

Чем дальше посижу, тем больше наловлю.

Чем больше наловлю – покушаю сытнее.

Чем больше рыбки съем, тем крепче я посплю.

Чем крепче я посплю – тем буду здоровее,

И всех **победю**, и всех **победю**!

Итак, потребность в форме 1 лица единственного числа глагола победить бесспорна, что подмечено на страничке одного из пользователей сети: – И то правда – глагола "побежду" катастрофически не хватает! (myasnick.com/sb_i_will_win/). Но литературная норма накладывает запрет на ее использование, вынуждая искать иные пути выражения. Д. Э. Розенталь предлагает в таких случаях обращаться к описательным конструкциям типа сумею (должен) победить [13, с. 175].

Иначе обстоит дело с формами, отсутствие которых вызвано семантическими причинами. Грамматическая модель допускает их образование. Например, мы легко можем построить частную парадигму множественного числа для существительного гордость – *гордости, *гордостей, *гордостям, *гордостями, *гордостях; форму сравнительной степени для прилагательного немой – *немее; форму повелительного наклонения для глагола видеть – *видь(те). А. А. Зализняк подчеркивает, что при необходимости подобные формы "все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения" [4, с. 7]. Это подтверждают материалы Национального корпуса русского языка: Стал я божиться и клясться, что буду **немее** рыбы (А. В. Амфитеатров); На немного Патрика, что ли? – Сообразили сами? Вы – гений! Да-а, этому несчастному воспитаннику королевы неплохо бы быть еще **немее**... (Г. И. Полонский); – **Тай**, батюшка, **тай**! – говорила она, смотря на снег, – авось времечко скорей пролетит (М. Е. Салтыков-Щедрин); – Дедушка, а я буду каждый день сны видеть! – неожиданно заявил мальчик. – **Видь, видь**, птенчик Божий! – трогательно погладил его по голове старик. – **Видь**. И другим, может, в твоих снах правда откроется (М. П. Арцыбашев). Значит, неупотребительность форм – "явление, может быть, неудобное для лингвиста, но не приносящее никаких затруднений самому носителю языка" [10, с. 20].

Таким образом, парадигмы с пустыми клетками целесообразно разделить следующим образом:

- парадигмы, отдельные формы которых отсутствуют и считаются ненормативными, возможно, из-за сбоя в самой языковой системе (неблагозвучие, класс глагола и т. п.);
- парадигмы, отдельные формы которых традиционно в речи не употребляются, но при необходимости могут быть образованы в соответствии с грамматической моделью.

Попытки систематизировать подобные парадигмы предпринимались лингвистами. А. А. Зализняк в "Грамматическом словаре русского языка" использует, с одной стороны, помету нет, чтобы указать на "отсутствие у слова одной или нескольких форм, вызванное фонологическими или морфологическими трудностями" [4, с. 5]. Так, отсутствуют формы родительного падежа множественного числа у существительных мгла, темя, треска, тьма, хна и др. С другой стороны, ученый считает потенциально полными парадигмы, отдельные формы которых неупотребительны, и в их парадигматической схеме приводит все формы, предусмотренные грамматической системой языка. Поэтому глагол зеленеть, не употребляющийся в 1 и 2 лице, имеет парадигму, аналогичную парадигме глагола читать, все формы которого широко представлены в речи. Такой подход соответствует основной цели словаря – передать "информацию о том, как образуются все формы парадигмы, включая те, которые фактически неупотребительны" [4, с. 7].

Иной принцип разграничения парадигм использует И. К. Сазонова в толково-грамматическом словаре "Русский глагол и его причастные формы". Исследовательница вводит ряд помет, характеризующих факты отсутствия или неупотребительности причастных форм. Так, помета не образуется обозначает "случаи невозможности образования причастных форм у определенных классов глаголов" [15, с. 5]. Помета не употр. свидетельствует о неупотребительности причастия во всех или в некоторых лексических значениях глагола. Эта помета не является запретительной, а лишь "означает, что причастная форма или некоторые ее глагольные лексические значения в данный период развития языка не употребительны" [15, с. 5]. Таким образом, И. К. Сазонова отделяет факты невозможности образования словоформ от фактов их неупотребительности. Подобный подход представляется нам наиболее убедительным. Однако остается открытым вопрос о том, как следует называть парадигмы, отдельные формы которых в современном языке обычно не употребляются, но могут быть образованы "при наличии коммуникативной или эстетической сверхзадачи" [10, с. 14]. По нашему мнению, для таких парадигм оправданно ввести термин когнитивно целесообразные парадигмы, ибо их состав определяется когнитивной потребностью, языковым вкусом, смелостью в преодолении традиций. Другим словами, в речи реализуются лишь те грамматические формы, которые востребованы в той или иной ситуации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**. В современной лингвистике не существует единого наименования парадигм, в составе которых отсутствует одна или несколько словоформ. Природа таких парадигм неоднородна. Среди них целесообразно выделять две основные разновидности. К первой относятся парадигмы, отдельные формы которых отсутствуют из-за сбоя в самой системе языка и считаются ненормативными. В грамматических словарях подобные формы сопровождаются пометами нет или не образуется, а сами парадигмы обоснованно называют неполными, дефектными, ущербными.

Вторую группу составляют парадигмы с потенциально возможными формами, т. е. с формами, которые могут быть образованы в соответствии с потребностями коммуникации и действующими грамматическими законами, хотя обычно в речи не употребляются или употребляются достаточно редко. Эти парадигмы занимают свое, особое место в языке. Их предлагается называть когнитивно целесообразными. В потенциальных формах своеобразно преломляются основополагающие элементы смысла, отражаются отношения "человек и окружающая действительность". Реализацию таких форм грамматика готова поддержать и поддерживает. Разграничение неполных и когнитивно целесообразных парадигм и

дальнейшее изучение каждой разновидности позволит более последовательно и систематизированно представить богатый потенциал и скрытые возможности форм русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Про "побежу – мужество" : итоги дискуссии [Электронный ресурс] / Б. Акунин. – Режим доступа : http://www.echo.msk.ru/blog/b_akunin/736123-echo/
2. Волоцкая З. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме / З. М. Волоцкая, Т. Н. Моложная, Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1964. – 186 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. / А. А. Зализняк. – [3-е изд.]. – М. : Рус. яз., 1987. – 880 с.
5. Зализняк А. А. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – [5-е изд.]. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с. – Режим доступа к словарю : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
7. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Маслов Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии : в 3 т. / И. А. Мельчук. – М. – Вена : "Языки русской культуры", Венский славистический альманах, Издательская группа "Прогресс", 1997. – Т. 1: Введение. – 1997. – 416 с.
10. Норман Б. Ю. О неполной парадигме слова / Б. Ю. Норман // Русский язык : система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / [отв. ред. И. С. Ровдо]. – С. 13 – 23.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – [4-е изд.]. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука, Школа "Языки русской культуры", 1999. – 275 с.
13. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – [3-е изд.]. – М. : Высш. школа, 1974. – 352 с.
14. Русская грамматика: в 2 т. / [редкол.: Н. Ю. Шведова и др.] – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 1980. – 783 с.
15. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы : Толково-грамматический словарь / И. К. Сазонова. – М. : Рус. яз., 1989. – 590 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / [ред. А. П. Евгеньева]. – [4-е изд.]. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа к словарю : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
17. Словарь-справочник по русскому языку : правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов. – М. : Словари, 1995. – 704 с.
18. Тихонов А. Н. Русский глагол : проблемы теории и лексикографирования / А. Н. Тихонов. – М. : Academia, 1998. – 280 с.